

**ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ,
ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ**

УДК 159.9

DOI 10.5930/1994-4683-2026-6-186-194

**Отчуждение моральной ответственности у военнослужащих –
участников вооружённых конфликтов: роль смысложизненных
ориентаций и кумулятивного боевого опыта**

Помогаева Надежда Сергеевна¹, кандидат медицинских наук, доцент

Шатровой Олег Вячеславович², кандидат психологических наук, доцент

¹*Санкт-Петербургский университет МВД России*

²*Военная академия материально-технического обеспечения имени генерала армии А.В. Хрулёва, г. Санкт-Петербург*

Аннотация

Цель исследования – выявление взаимосвязи между смысложизненными ориентациями личности, опытом участия в вооружённых конфликтах и выраженностью механизмов отчуждения моральной ответственности у военнослужащих.

Методы и организация исследования. Применяли такие методы, как анализ научно-методической литературы, анкетирование, тестирование, статистическая обработка данных. Исследование проведено на базе Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва.

Результаты исследования и выводы. Анализ результатов исследования позволил выявить отрицательную взаимосвязь между смысложизненными ориентациями и выраженностью механизмов морального отчуждения. Предложена интерпретация морального отчуждения как субъективного психологического ответа на объективное структурное отчуждение, присущее воинскому труду.

Ключевые слова: психология профессиональной деятельности, смысложизненные ориентации, военнослужащие, вооружённые конфликты, моральная регуляция

Для цитирования: Помогаева Н. С., Шатровой О. В. Отчуждение моральной ответственности у военнослужащих – участников вооружённых конфликтов: роль смысложизненных ориентаций и кумулятивного боевого опыта. DOI 10.5930/1994-4683-2026-6-186-194 // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2026. № 6 (256). С. 186–194.

**Alienation of moral responsibility among military personnel –
participants in armed conflicts: the role of life meaning orientations
and cumulative combat experience**

Pomogaeva Nadezhda Sergeevna¹, candidate of medical sciences, associate professor

Shatrovoy Oleg Vyacheslavovich², candidate of psychological sciences, associate professor

¹*Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia*

²*Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A.V.Khrulyov, St. Petersburg*

Abstract

The purpose of the study is to identify the relationship between life-meaning orientations of the individual, experience of participation in armed conflicts, and the severity of mechanisms of moral disengagement in military personnel.

Research methods and organization. The study employed methods including a review of the scientific and methodological literature, surveys, testing, and statistical analysis. The research took place at the Military Educational Institution of Logistics named after General of the Army A.V.Khrulyov.

Research results and conclusions. Analysis of the research results revealed a negative relationship between life-meaning orientations and the severity of moral disengagement mechanisms. An interpretation of moral disengagement is proposed as a subjective psychological response to the objective structural alienation inherent in military labor.

Keywords: psychology of professional activity, life-meaning orientations, military personnel, armed conflicts, moral regulation

For citation: Pomogaeva N. S., Shatrovoy O. V. (2026), "Alienation of moral responsibility among military personnel – participants in armed conflicts: the role of life meaning orientations and cumulative combat experience", *Scientific notes of P.F. Lesgaft university*, No 6 (256), pp. 186–194, DOI 10.5930/1994-4683-2026-6-186-194.

Введение. Проблема моральной регуляции поведения человека в ситуациях, требующих применения насилия, принадлежит к числу наиболее сложных и практически значимых вопросов психологической науки. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте военной деятельности, где применение насилия является не отклонением от нормы, а профессиональной обязанностью, санкционированной государством и регламентированной правом вооружённых конфликтов.

Профессиональная деятельность военнослужащего оказывается в ситуации фундаментального противоречия: его действия, которые в мирном контексте квалифицируются как тяжелейшие нарушения моральных и правовых норм. Это противоречие порождает необходимость в психологических механизмах, позволяющих сохранить целостность личности и способность к эффективной деятельности в условиях, когда моральные запреты вступают в конфликт с профессиональным долгом. Одним из таких механизмов является отчуждение моральной ответственности (moral disengagement) – понятие, введённое А. Бандурой для обозначения когнитивных процессов, посредством которых моральные стандарты личности избирательно применяются или блокируются в ответ на деструктивное поведение [1-3]. Как точно резюмирует С. Мур, «отчуждение моральной ответственности означает совокупность из восьми когнитивных механизмов, которые способствуют отъединению внутренних моральных стандартов от действий человека, облегчают его вовлечённость в неэтичное поведение и помогают не переживать при этом стресс» [4, с. 200].

Актуальность данного исследования определяется не только теоретическим интересом, но и практической потребностью: в условиях продолжающихся вооружённых конфликтов с участием Российской Федерации вопрос о психологических механизмах моральной регуляции поведения военнослужащих приобретает непосредственное прикладное значение для организации психологической работы в войсках.

Как отмечает А.Г. Караяни: «Специальная военная операция оставляет глубокий след в психике её участников. Вездесущая опасность, ... гибель и ранения боевых товарищей, участие в физическом уничтожении противника, ... запредельная длительность сроков пребывания в зоне боевых действий ... способны порождать у военнослужащих и сотрудников боевой дистресс» [5, с. 75].

В теоретическом контексте имеет место вектор, направленный от морального развития к моральному отчуждению. Механизмы морального отчуждения – это когнитивные операции, позволяющие человеку выключить моральную саморегуляцию в конкретной ситуации, не отказываясь от моральных стандартов как таковых. Этот подход перекликается с экспериментальными данными, полученными в классических исследованиях С. Милгрэма [6] и Ф. Зимбардо [7], продемонстрировавших, что обычные люди способны к жестокому поведению не вследствие личностной патологии, а под воздействием ситуационных факторов – авторитета, ролевых ожиданий, деиндивидуации, диффузии ответственности. Как показал Зимбардо, при определённых условиях практически любой человек способен переступить моральные границы, которые в обычных обстоятельствах представляются ему незыблемыми. Современные исследования подтверждают этот вывод. Так, Т. Моллендейк, анализируя интервью с голландскими ветеранами, показал, что солдаты используют упрощение, оправдание, рационализацию и компартиментализацию для

минимизации морального напряжения [8, с. 978] – механизмы, прямо соответствующие описанным Бандурой.

А. Бандура выделил восемь когнитивных механизмов морального отчуждения, действующих на четырёх уровнях (локусах) процесса моральной саморегуляции:

- поведенческий локус – моральное оправдание (насилие как служение высокой цели), эвфемистическое переименование («ликвидация» вместо «убийство»), выгодное сравнение (собственные действия умереннее чужих).

- локус личностного фактора – смещение ответственности (на авторитетную фигуру) и диффузия ответственности (распределение между участниками).

- локус переформулирования последствий – игнорирование или искажение последствий (минимизация реального вреда).

- локус искажения образа жертвы – дегуманизация (лишение жертвы человеческих качеств) [3].

И. И. Знаменская и соавторы показали, что в условиях стресса происходит системная дедифференциация отношения к «чужим», что создаёт когнитивную основу для дегуманизации [9, с. 54].

Эти механизмы представляют собой подлинные когнитивные процессы, протекающие преимущественно неосознанно и субъективно переживаемые как искренние убеждения.

Проблема морального отчуждения тесно связана с более широкой проблемой атрибуции ответственности — процесса приписывания субъекту ответственности за совершённое действие и его последствия. Ф. Хайдер, заложивший основы атрибутивного подхода, показал, что обыденное сознание оперирует сложной системой каузальных схем при определении степени ответственности [10].

Наряду с субъективными механизмами отчуждения можно говорить об объективном отчуждении продуктов воинского труда. Концепция морального отчуждения А. Бандуры описывает психологические механизмы, однако он оставляет открытым вопрос о структурных условиях, которые делают эти механизмы необходимыми. Для ответа на этот вопрос продуктивным представляется обращение к теории отчуждения К. Маркса, который в «Экономическо-философских рукописях 1844 года» описывает отчуждение продукта труда как ситуацию, в которой результат деятельности работника становится чуждым: рабочий производит товар, но не владеет им [11, с. 88].

Правомерность переноса категории отчуждения из политэкономического контекста в психологический обоснована Э. Фроммом, который показал, что отчуждение является не только экономическим, но и экзистенциально-психологическим феноменом: человек может быть отчуждён от своей деятельности, её продуктов, других людей и себя [12].

На непосредственном уровне продуктом воинского труда являются смерть, разрушение и страдание. На опосредованном – безопасность, защита Отечества – тот смысл, который легитимирует насилие. На личностном – трансформация самого субъекта: боевой опыт, изменение ценностей, идентичности, самоотношения.

Именно в зазоре между этими уровнями разворачивается процесс отчуждения, который может быть описан через три взаимосвязанных механизма. Первый – отчуждение непосредственного продукта от его смысла: военнотрудовой стреляет, разрушает, убивает, но не ощущает их опосредованного значения. Возникает разрыв: продукт труда (насилие и его результаты) отделяется от своего смысла (защита, безопасность) и начинает восприниматься как морально нагруженная реальность. Это и есть, как в марксистской логике, момент отчуждения. Второй – отчуждение

через институциональное присвоение: результаты деятельности немедленно становятся элементом оперативной обстановки, статистикой потерь противника, индивидуальный вклад растворяется в коллективном результате. Как, по аналогии с Марксом, рабочий не владеет произведённым товаром, так военнослужащий не «владеет» результатами своей боевой деятельности – они принадлежат командованию, государству, истории. Третий – отчуждение через моральную амбивалентность: одно и то же действие является одновременно выполнением долга и причинением страдания. Военнослужащий не может однозначно идентифицировать себя со своим продуктом – признать его «своим», значит принять тяжесть ответственности, отвергнуть как «чужой» – отречься от собственного опыта, обесценить свои усилия и жертвы.

Именно эта невозможность однозначной идентификации с продуктом своего труда составляет ядро отчуждения в воинском контексте.

Описанные структурные механизмы отчуждения позволяют выстроить концептуальный мост между марксистской теорией, экзистенциальной психологией Фромма и социально-когнитивной концепцией Бандуры.

Таким образом, моральное отчуждение по Бандуре является субъективным ответом на объективное структурное отчуждение по Марксу: первое – индивидуальный когнитивный механизм, второе – системное условие, его порождающее. Фромм выступает связующим звеном, показавшим, что марксистская категория отчуждения имеет психологическое содержание.

Логика этой связи заключается в следующем: когда продукт труда военнослужащего (насилие и его последствия) отчуждается от него и начинает восприниматься как морально неприемлемый, возникает невыносимый внутренний конфликт. Чтобы справиться с этим конфликтом, субъект прибегает к механизмам морального отчуждения – «отключает» моральную саморегуляцию.

Из этой теоретической рамки вытекает центральная гипотеза настоящего исследования: если моральное отчуждение является ответом на структурное отчуждение, присущее воинскому труду, то его выраженность должна быть связана, во-первых, с интенсивностью боевого опыта и, во-вторых, со смысловыми ориентациями личности (чем слабее субъективное ощущение осмысленности и контролируемости собственной жизни, тем выше уязвимость перед отчуждением).

Методика и организация исследования. Исследование проведено на базе Военной академии материально-технического обеспечения имени генерала армии А. В. Хрулёва. Выборку составил 111 военнослужащих, прибывших на обучение из различных регионов Российской Федерации. Респонденты были распределены на четыре группы по критерию боевого опыта:

Группа 1 (n = 30) – офицеры старшего офицерского состава (возраст 35–42 года, средний стаж военной службы 19,5 лет), прошедшие несколько вооружённых конфликтов, включая Северный Кавказ, Сирию и зону специальной военной операции (СВО);

Группа 2 (n = 40) – офицеры, проходившие службу в зоне СВО (единичный боевой опыт);

Группа 3 (n = 21) – офицеры, не принимавшие участия в вооружённых конфликтах;

Группа 4 (n = 20) – прапорщики, обучающиеся в системе среднего профессионального образования, не принимавшие участия в вооружённых конфликтах.

Все респонденты приняли участие в исследовании на добровольной основе. Анонимность ответов была гарантирована.

Для решения задач исследования применялись следующие методики:

1. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) – адаптация Д. А. Леонтьева [13] теста «Цель в жизни» (Purpose-in-Life Test) Дж. Крамбо и Л. Махолика, разработанного на основе логотерапии В. Франкла [14].

2. Методика включает 20 пунктов, образующих пять субшкал: «Цели в жизни» (наличие жизненных целей, придающих жизни осмысленность и направленность), «Процесс жизни» (восприятие процесса жизни как интересного, эмоционально насыщенного и наполненного смыслом), «Результативность жизни» (удовлетворённость самореализацией, оценка пройденного отрезка жизни как продуктивного), «Локус контроля – Я» (представление о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора и способной контролировать свою жизнь), «Локус контроля – жизнь» (убеждённость в возможности контролировать события своей жизни, принимать решения и воплощать их). Общий показатель отражает общую осмысленность жизни.

3. Методика отчуждения моральной ответственности – адаптированный вариант шкалы Moral Disengagement Scale А. Бандуры [3, с. 48-64]. Методика измеряет выраженность восьми механизмов морального отчуждения: морального оправдания, эвфемистического переименования, выгодного сравнения, смещения ответственности, диффузии (рассеивания) ответственности, искажения последствий, дегуманизации и атрибуции вины. Общий показатель отражает интегральный уровень отчуждения моральной ответственности.

Обследование проводилось в групповой форме в стандартизированных условиях. Статистическая обработка данных осуществлялась с использованием пакета SPSS Statistics (версия 26). Проверка нормальности распределения проводилась с помощью критерия Шапиро-Уилка. Для оценки межгрупповых различий применялся непараметрический критерий U Манна-Уитни (парное сравнение групп) и критерий Краскела-Уоллиса (сравнение трёх и более групп). Взаимосвязь между переменными оценивалась с помощью коэффициента ранговой корреляции Спирмена (r_s). Сила связи интерпретировалась по шкале Чеддока. Уровень статистической значимости принят $p < 0,05$.

Результаты исследования. Корреляционный анализ выявил ряд статистически значимых отрицательных зависимостей между показателями методики СЖО и механизмами отчуждения моральной ответственности.

Локус контроля – Я и эвфемистическое переименование. Обнаружены обратные корреляции эвфемистического переименования с локусом контроля – Я ($r = -0,22$; $p < 0,05$) и локусом контроля – жизнь ($r = -0,27$; $p < 0,01$). Чем выше представление военнослужащего о себе как о сильной личности, обладающей свободой выбора, ясным представлением о смысле жизни и убеждённостью в способности её контролировать, тем меньше его потребность прибегать к эвфемистическому переименованию – завуалированному, ретушированному комментарию событий. Такой военнослужащий склонен называть вещи своими именами, не нуждаясь в смягчающих формулировках для сохранения психологического равновесия. Локус контроля – Я и комплекс механизмов морального отчуждения. Показатель «Локус контроля – Я» обнаружил обратные зависимости с целым рядом механизмов морального отчуждения: дегуманизацией ($r = -0,19$; $p < 0,05$), атрибуцией вины ($r = -0,24$; $p < 0,05$), смещением ответственности ($r = -0,24$; $p < 0,05$), рассеиванием ответственности ($r = -0,26$; $p < 0,01$) и общим показателем отчуждения моральной ответственности ($r = -0,31$; $p < 0,01$).

Содержательная интерпретация этих данных представляется следующей: представление о себе как о сильной личности выступает своеобразным «иммуните-

том» против морального отчуждения. Такой человек не нуждается в том, чтобы перекладывать ответственность на авторитетные фигуры, лишать противника человеческих качеств или возлагать вину на жертву. Он способен вынести тяжесть моральной ответственности за свои действия, потому что эти действия вписаны в целостную смысловую систему, придающую им значение более высокого порядка через подлинное осмысление. И, напротив: снижение уверенности в возможности контролировать события, утрата ясности смысла жизни порождают потребность в защитных когнитивных механизмах — желание оправдать свои действия давлением авторитетных кругов, убедить себя в том, что так действуют в подобных ситуациях все, что собственные разрушительные действия являются защитной мерой и направлены на искоренение зла.

Искажение последствий и смысложизненные ориентации. Особый интерес представляют корреляции показателя искажения последствий с субшкалами СЖО: «цели в жизни» ($r = -0,27$; $p < 0,01$), «результативность жизни» ($r = -0,22$; $p < 0,05$), «управляемость жизни» ($r = -0,25$; $p < 0,01$), «осмысленность жизни» ($r = -0,23$; $p < 0,05$). Все корреляции отрицательные и статистически значимые.

Это означает, что потеря жизненных целей и пессимистическая переоценка пройденного жизненного пути приводят к искажению интерпретации последствий разрушительных действий, оправданию необходимости насилия. Военнослужащий, утративший ощущение осмысленности собственной жизни, оказывается особенно уязвимым перед механизмами морального отчуждения: не имея внутреннего «стержня», он вынужден прибегать к когнитивным искажениям для того, чтобы примирить свои действия со своим самосознанием. В терминах марксистской теории отчуждения этот результат приобретает дополнительную глубину. Утрата смысложизненных ориентаций — это, по существу, отчуждение от родовой сущности (Gattungswesen): человек перестаёт переживать свою деятельность как свободную, целенаправленную — то есть как подлинно человеческую. В этом состоянии продукт его труда (в том числе насилие) неизбежно отчуждается от него. Механизмы морального отчуждения по Бандуре выступают в данном случае как суррогатная замена утраченного смысла — они не восстанавливают подлинную осмысленность, но создают иллюзию когнитивной согласованности, позволяющую продолжать деятельность. Механизмы морального отчуждения, описанные Бандурой, могут рассматриваться как частный случай такого суррогатного заполнения в контексте воинской деятельности.

Сравнение групп по шкале «Локус контроля – Я» выявило достоверные различия ($U = 127,5$; $p < 0,05$) между офицерами (Группа 3) и прапорщиками (Группа 4), обучающимися в системе среднего профессионального образования. Прапорщики достоверно ниже оценили себя как личность, обладающую достаточной свободой выбора, представляющую в полной мере смысл жизни и способную её контролировать.

Этот результат представляется закономерным и отражает специфику военно-педагогического процесса: офицерское образование, предполагающее более глубокую профессиональную социализацию, формирует более устойчивое представление о себе как о субъекте. Система среднего профессионального образования, ориентированная преимущественно на исполнительские функции, в меньшей степени способствует развитию субъектной позиции.

Анализ групповых различий по критерию боевого опыта выявил результат, на который следует обратить внимание, обозначив его как парадокс кумулятивного боевого опыта. Наивысшее представление о себе как о сильной личности с ясным представлением о смысле жизни и контроле над её событиями было обнаружено в

Группе 2 – офицеров, прошедших СВО, но ранее не участвовавших в вооружённых конфликтах. Достоверно сниженным ($U = 412,0$; $p < 0,05$) оказалось это представление в Группе 1 – офицеров, принимавших участие в нескольких конфликтах, включая СВО. Аналогичная картина выявилась при сравнении выделенных групп по показателю общей осмысленности жизни ($U = 398,5$; $p < 0,05$).

На первый взгляд, этот результат представляется контринтуитивным: казалось бы, более обширный боевой опыт должен укреплять уверенность в себе, однако при более глубоком анализе он становится вполне объяснимым. Первый, единственный опыт участия в вооружённом конфликте может переживаться как успешно пройденное испытание, как подтверждение собственной силы, способности действовать в экстремальных условиях. Этот опыт интегрируется в позитивную идентичность: «Я прошёл через это и справился». Однако повторное и многократное погружение в ситуации вооружённого конфликта запускает иные процессы. Кумулятивное воздействие боевого стресса, многократное столкновение со смертью, разрушением постепенно подтачивает смысловые конструкции, которые ранее обеспечивали психологическую устойчивость. Возникает то, что можно назвать «эрозией смысла»: происходит обесценивание накопленного травматического опыта.

В качестве основного результата исследования можно считать следующее: отчуждение моральной ответственности как совокупность когнитивных механизмов, отъединяющих внутренние моральные стандарты от поведения, не соответствующего общечеловеческим этическим нормам, достоверно выше в группах военнослужащих, участвовавших в вооружённых конфликтах, по сравнению с военнослужащими, не принимавшими участия ($N = 8,74$; $p < 0,05$ по критерию Краскела-Уоллиса).

При этом обнаружен эффект кумуляции: показатель отчуждения моральной ответственности достоверно выше в Группе 1 (военнослужащие, прошедшие ряд «горячих точек», включая СВО) по сравнению как с не участвовавшими ($U = 178,0$; $p < 0,01$), так и с участвовавшими только в одном конфликте ($U = 421,5$; $p < 0,05$).

Аналогичная закономерность обнаружена для механизма выгодного сравнения: в группах офицеров, участвовавших в вооружённых конфликтах, он достоверно выше ($U = 162,5$; $p < 0,01$) по сравнению с группой, не проходившей «горячие точки», и вновь достоверно выше у военнослужащих, воевавших в ряде конфликтов ($U = 415,0$; $p < 0,05$). Выгодное сравнение — механизм, посредством которого собственные деструктивные действия представляются приемлемыми на фоне ещё более деструктивных действий противника, по-видимому, является одним из наиболее востребованных механизмов морального отчуждения в условиях длительного и повторного участия в вооружённых конфликтах. Его нарастание с увеличением боевого опыта свидетельствует о прогрессирующей потребности в когнитивных средствах нейтрализации моральных переживаний.

Полученные результаты позволяют выстроить целостную картину взаимосвязи между структурным отчуждением воинского труда, смысложизненными ориентациями личности и механизмами морального отчуждения.

Выводы. Отчуждение моральной ответственности является закономерным психологическим феноменом, выраженность которого значимо связана с опытом участия в вооружённых конфликтах и смысложизненными ориентациями личности.

Уровень морального отчуждения достоверно выше у военнослужащих, участвовавших в вооружённых конфликтах, по сравнению с не участвовавшими ($p < 0,05$), и нарастает с кумуляцией боевого опыта – наивысшие показатели обнаружены у военнослужащих, прошедших несколько конфликтов.

Существует отрицательная взаимосвязь между смысложизненными ориентациями (цели, результативность, осмысленность жизни) и выраженностью механизмов морального отчуждения. Смысложизненные ориентации выступают ресурсом моральной устойчивости: чем выше осмысленность жизни, тем ниже потребность в когнитивных механизмах нейтрализации моральных переживаний.

Обнаружен парадокс кумулятивного боевого опыта: многократное участие в вооружённых конфликтах не укрепляет, а подтачивает субъективное ощущение контроля над жизнью, создавая условия для усиления морального отчуждения.

Интеграция марксистской теории отчуждения, концепции Э. Фромма и теории А. Бандуры позволяет рассматривать моральное отчуждение как субъективный психологический ответ на объективное структурное отчуждение, присущее воинскому труду.

Практическая работа по профилактике деструктивных форм морального отчуждения должна быть направлена прежде всего на укрепление смысложизненных ориентаций военнослужащих, обучение рефлексивному отношению к механизмам морального отчуждения, развитие эмпатии и субъектной позиции. Особого внимания требуют военнослужащие с кумулятивным боевым опытом, находящиеся в зоне наибольшего риска нравственной деформации.

Список источников

- 1 Bandura A. *Social Foundations of Thought and Action: A Social Cognitive Theory*. Englewood Cliffs, NJ : Prentice Hall, 1986. ISBN 978-0-13-815614-5.
- 2 Bandura A. Selective moral disengagement in the exercise of moral agency // *Journal of Moral Education*. 2002. No 31. P. 101–119. URL: <https://www.psych.ru/albert-bandura-ob-otklyuchenii-moralnoj-otvetstvennosti/> (дата обращения: 01.02.2026).
- 3 Bandura A. *Moral disengagement: how people do harm and live with themselves*. New York : Worth Publishers, 2016. 446 p. ISBN 9781464160059.
- 4 Moore S. Moral Detachment. DOI 10.1016/j.copsyc.2015.07.018 // *Current Opinion in Psychology*. 2015. Vol. 6. P. 199–204.
- 5 Караяни А. Г. Психологические последствия участия в боевых действиях: «не ПТСРом единым». DOI 10.25629/RMPJ.2023.02.07 // *Российский военно-психологический журнал*. 2023. № 2 (2). С. 75–83. EDN: JDYQLP.
- 6 Милгрэм С. *Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль*. Москва : Альпина нон-фикшн, 2016. 282 с. ISBN 978-5-91671-503-3.
- 7 Зимбардо Ф. *Эффект Люцифера: почему хорошие люди превращаются в злодеев*. Москва : Альпина нон-фикшн, 2013. 740 с. ISBN 978-5-91671-106-6.
- 8 Molendijk T. Moral Coping or Simply Uncomplicated Soldiering? How Soldiers Make Sense of Killing and Wounding // *Armed Forces & Society*. 2024. Vol. 50, No. 4. P. 977–999.

References

- 1 Bandura A. (1986), “Social Foundations of Thought and Action: A Social-Cognitive Theory”, Englewood Cliffs, NJ, Prentice Hall, ISBN 978-0-13-815614-5.
- 2 Bandura A. (2002), “Selective Moral Aversion in the Exercise of Moral Will”, *Journal of Moral Education*, Vol. 31, No. 2, pp. 101–119, URL: <https://www.psych.ru/albert-bandura-ob-otklyuchenii-moralnoj-otvetstvennosti/>.
- 3 Bandura A. (2016), “Moral disengagement: how people do harm and live with themselves”, New York, Worth Publishers, 446 p., ISBN 9781464160059.
- 4 Moore S. (2015), “Moral Detachment”, *Current Opinion in Psychology*, Vol. 6, pp. 199–204, DOI 10.1016/j.copsyc.2015.07.018.
- 5 Karayani A. G. (2023), “Psychological consequences of participation in combat operations: “not just PTSD””, *Russian Military-Psychological Journal*, No. 2 (2), pp. 75–83, DOI 10.25629/RMPJ.2023.02.07.
- 6 Milgram S. (2016), “Obedience to Authority: A Scientific View of Power and Morality”, Moscow, Alpina Non-Fiction, 282 p., ISBN 978-5-91671-503-3.
- 7 Zimbardo, F. (2013), “The Lucifer Effect: How Good People Turn Evil”, Moscow, Alpina Non-Fiction, 740 p., ISBN 978-5-91671-106-6.
- 8 Molendijk T. (2024), “Moral Coping or Simply Uncomplicated Soldiering?”, *Armed Forces & Society*, Vol. 50, No. 4, pp. 977–999.

- 9 Знаменская И. И., Марков А. В., Бахчина А. В., Александров Ю. И. Отношение к «чужим» при стрессе: системная дедифференциация // Психологический журнал. 2016. Т. 37, № 4. С. 44–58. EDN: UBHSKR.
- 10 Heider F. Psychology of Interpersonal Relations. Hillsdale, New Jersey : Psychology Press, 1983. 322 p. ISBN 9780898592825.
- 11 Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Москва : Политиздат, 1974. Т. 42. С. 88–90.
- 12 Фромм Э. Здоровое общество. Москва : АСТ, 2009. 448 с. ISBN 978-5-17-038308-5. EDN: QLURZP.
- 13 Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. Москва : Смысл, 2000. 18 с. ISBN 5-89357-088-X.
- 14 Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва : Прогресс, 1990. 368 с. ISBN 5-01-001606-0. EDN: YQCMMA.
- 9 Znamenskaya I. I., Markov A. V., Bakhchina A. V. [et al.] (2016), “Attitude to “strangers” under stress: systemic dedifferentiation”, *Psychological Journal*, Vol. 37, No. 4, pp. 44–58.
- 10 Heider F. (1983), “Psychology of Interpersonal Relations”, Hillsdale, New Jersey, Psychology Press, 322 p., ISBN 9780898592825.
- 11 Marx K. (1974), “Economic and Philosophical Manuscripts of 1844”, Moscow, Politizdat, Vol. 42, pp. 88–90.
- 12 Fromm E. A. (2009), “Healthy Society”, Moscow, AST, 448 p., ISBN 978-5-17-038308-5.
- 13 Leontiev D. A. (2000), “Test of Life Orientation (LJO)”, Moscow, Smysl, 18 p., ISBN 5-89357-088-X.
- 14 Frankl V. (1990), “Man's Search for Meaning”, Moscow, Progress, 368 p., ISBN 5-01-001606-0.

Информация об авторах:

Помогаева Н. С., доцент кафедры деятельности ОВД в ОУ, SPIN-код 4369-8722.

Шатровой О. В., преподаватель кафедры ВПП в войсках (силах), SPIN-код 8791-5682.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Поступила в редакцию 04.05.2026.

Принята к публикации 15.05.2026.